

АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ ӘКІМДІГІ
АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ МӘДЕНИЕТ, АРХИВТЕР ЖӘНЕ ҚҰЖАТТАМА БАСҚАРМАСЫ
ҚР БҒМ ҒК А.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
АҚТӨБЕ ОБЛЫСТЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІ

АКИМАТ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, АРХИВОВ И ДОКУМЕНТАЦИИ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. МАРГУЛАНА КН МОН РК
АКТЮБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

«ҚАДЫРБАЕВ ОҚУЛАРЫ - 2020»

**VI ХАЛЫҚАРАЛЫҚ
ҒЫЛЫМИ КОНФЕРЕНЦИЯСЫНЫҢ
МАТЕРИАЛДАРЫ**

(2020 жылғы 27-28 қараша)

**МАТЕРИАЛЫ
VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«ҚАДЫРБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020»**

(27-28 ноября 2020 года)

МОНГОЛО-ОЙРАТСКИЙ СЪЕЗД 1640 ГОДА И ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Мустафин Ф.М.

К концу третьего десятилетия XVII века в результате разделения и расселения западномонгольские племена образовали три полтических центра – Джунгарию, Поволжье, и район озера Кукунор. Между ойратскими политическими группировками установились мирные отношения, и недавние противники собрались на общий съезд в 1640 г., где был принят кодекс монголо-ойратских законов «Великое уложение» («Йеки цааджин бичиг»).

По мнению И.Я. Златкина, «в их основе лежало три цели: урегулировать внутренние взаимоотношения владетельных князей и исключить возможность междоусобной войны; обеспечить при необходимости объединение сил и оказание взаимной помощи в борьбе против внешней угрозы; укрепить сословные порядки и власть ханов, тайшей, нойонов и князей над подвластным населением» (Златкин, 1964, с. 113).

В.П. Санчиров полагает, что главной причиной, побудившей монгольских и ойратских князей собраться на съезд 1640 г., была не «вполне возможная», а реальная внешняя опасность (Санчиров, 2009, с. 15). Угрозу монгольским государствам создавали маньчжуры, и внешнеполитическая обстановка там развивалась следующим образом. В начале XVII в. в Маньчурии произошло резкое усиление маньчжурских племен под властью Нурхаци (1559-1626). Созданное им военное государство в течение 20-30-х гг. XVII столетия подчинило одно за другим княжества Южной Монголии. Разгромив последнего номинального всемонгольского хана Лигдана, маньчжурский правитель Абахай (1626-1643) в 1636 г. провозгласил себя императором и принял для своей династии новое название Цин. Подчинившиеся ему южномонгольские князья собрались на свой съезд и преподнесли ему титул «всемонгольского хана», что позволило в дальнейшем цинским правителям претендовать на остальные независимые княжества Северной Монголии (Халхи). Несмотря на географическую удаленность кочевий ойратов, они обладали вполне сильной армией, которая могла в случае маньчжурского вторжения в Халху оказать действенную военную помощь халха-монголам. Поэтому халха-монгольские князья, в том числе и самые могущественные улусные владетели Северной Монголии: Дзасагту-хан, Тушэту-хан и Цэцэн-хан, не имевшие возможности самостоятельно противостоять маньчжурам, решили пойти на союз с западными монголами. Политический компромисс между ними базировался на этнической близости двух родственных народов (Санчиров, 2009, с. 15).

В научной литературе существует распространенное мнение, что съезд был созван по инициативе джунгарского правителя Батура-хунтайши в его владениях (Златкин, 1964, с. 113). По данным В.П. Санчирова, инициатива проведения съезда исходила от правителей трех самых крупных княжеств Северной Монголии, так как имена двух из них, Дзасагту-хана Субуди и

Тушэту-хана Гомбодорджи, первыми значатся в списке участников съезда. Возможно так же и то, что правители Северной Монголии, опасаясь испортить отношения с правителем Цинской империи, не рискнули проводить съезд в своих владениях, а организовали его на территории Джунгарии (Санчилов, 2009, с.15). Однако, по мнению В.Т. Тепкеева, активными организаторами данного мероприятия оказались лица буддийского духовенства во главе с Индзан-хутугтой. Конкретно имена буддийских монахов, таких как Акшоби Манджушири и Амуга-шиди, идут в преамбуле «Великого Уложения» перед списком монгольских и ойратских владетелей, а Индзан-хутугта фигурирует как главный гарант съезда (Тепкеев, 2014 с. 113). Это подтверждается и автором «Биографии Зая-пандиты», который указывает на прибытие на этот съезд Индзан-хутугты. Все это еще раз подтверждает на рост влияния и вмешательство буддийского духовенства в политическую жизнь монгольских и ойратских государств (Златкин, 1964, с. 116).

Как итог проведенной миссионерской работы среди ойратов можно рассматривать и съезд буддийского духовенства, проведенного летом 1639 г. в урочище Усун-Хаджир на реке Буланай. Именно здесь он пожаловал Зая-пандите титул Рабджамбы-хутугты (Норбо, 1999, с. 42).

5 сентября 1640 г. начал свою работу монголо-ойратский съезд. И.Я. Златкин в своей монографии указывает на руководящую роль джунагарского правителя Батура-хунтайши в подготовке текста «Великого уложения» и созыве съезда, который, по его мнению, мог проходить только в Джунгарии, в кочевьях хунтайджи и его союзника хошутского правителя Очирту (Златкин, 1964, с. 116). По мнению В.П. Санчилова, который основывается на анализе «статейного списка» посольства М. Ремезова к джунгарам, место проведения съезда находилось все-таки не на территории улус Батура-хунтайджи т.е. в Джунгарии, так как тот отсутствовал у себя в улусе и вернулся домой только в октябре (Санчилов, 2009, с.17).

Основываясь на показаниях этого же источника, японская исследовательница Джунко Мияваки полагает, что съезд «был созван монгольским правителем Дзасагту-ханом где-то в Халхе» (Miyawaki, Junko., 1991, с. 85).

По мнению монгольского исследователя Далая, съезд проходил во владении тайши Очирту, поскольку только хошутские правители по своему происхождению считали себя выходцами из «золотого рода – борджигинов», и возводили свою генеалогию к младшему брату Чингисхана, Хасару (Тепкеев, 2014, с.117).

Что касается конкретного места проведения съезда, то большинство исследователей вслед за Ю. Лыткиным, который основывался на сведениях калмыка Бебе, полагают, что этот съезд проходил в урочище Шибегийн Улан Бура в районе Тарбагатайского хребта (Лыткин, 2003, с. 461).

Ш. Норбо, ссылаясь на неизвестные многим историкам-монголоведам «исторические документы», утверждает, что «Великое Уложение» было

принято в местности Маниту-гатулган - большой переправе через реку Иртыш и к северу от озера Зайсан (Норбо, 1999, с. 205).

В списке участников съезда, помимо представителей буддийского духовенства, фигурировали 28 наиболее влиятельных монгольских и ойратских владетелей. Из Северной Монголии прибыли: Эрдени Дзасагту-хан, Тушету-хан, Эрдени хунтайша и Далай-Хунг (сыновья Шолой Цецен-хана), Хунг-нойон (сын Туменгийна Сайн-нойона) и Мерген-нойон (сын Абугу). Сибирскую группу ойратов представлял – Цецен-нойон, волжских калмыков – Хо-Урлюк, Дайчин и Елден. От кукунорских хошоутов выступали Гуши, Очирту и Кунделен-Убаши. Джунгарскую группировку представляли Батур-хунтайши с братьями, Чокур-Убаши и Мерген-Дайчином, и сыном Цеценом. Дербетов представляли сыновья Далай-Батура, Тенгерийн-Тойн (Даян-Омбо) и Дайчин-Хошучи (Тепкеев, 2014, с. 115).

По сообщениям автора «Биографии Зая-пандиты», на съезде «главенствовали Дзасагту-хан и два ойратских тайши» (Норбо, 1999, с. 44), под которыми, скорее всего, имеются в виду чоросский Батур-хунтайджи и хошутский тайша Очирту. Монголо-ойратский съезд явился одним из наиболее значительных событий в политической жизни монгольских народов, а перед его заседателями стояли много важных задач, требующих неотложного решения.

Во-первых, официально провозгласить буддизм государственной религией монгольских народов (Санчилов, 2009, с. 16).

Во-вторых, монголо-ойратский съезд выработал и утвердил общий свод законов Ике Цааджи («Великое Уложение»). Основная часть законов была направлена на закрепления норм обычного права в интересах высшего сословия и юридическое закрепление сложившихся социально-экономических отношений у монгольских народов (Санчилов, 2009, с. 16).

В-третьих, юридически закрепить «статус-кво» как между ойратскими политическими группировками, так и в целом между ойратами и халаха-монголами. По мнению Н.Н. Поппе, этот исторический документ являлся своего рода «первым в истории не только монголов и калмыков, но вообще в истории народов всего мира пактом о ненападении и о наказании агрессии» (Поппе, 1966, с. 52).

В случае нападения агрессора на одно из монгольских или ойратских улусов все монголы и ойраты должны были объединиться и наказать нарушителя мира. Все его имущество подлежало конфискации, причем одну половину конфискованного следовало отдать потерпевшим от нападения, а другую половину поделить поровну между участниками наказания. (Их Цааз, 1981, с. 14).

В случае нападения на небольшой улус с виновного надлежало взять штраф – 100 панцирей (куяк), 100 верблюдов и 1000 лошадей, а также вернуть все захваченное им потерпевшей стороне (Их Цааз, 1981, с. 14). Для борьбы с агрессором из вне все население Монголии и Джунгарии обязано было участвовать в равной степени. С целью мобилизации всех вооруженных сил предписывалось суровые наказания (смертная казнь, конфискация имущества,

штрафные санкции) ко всем членам общества, от улусного владетеля до простого общинника, уклонившимся от участия военных действиях. Причем строгие наказания грозили рядовым войнам не только за то, что они не оказали своим владетелям, находившимся в опасности, помощи в бою, но и за более мелкие проступки, такие как несообщения о появлении противника, неявка по сигналу тревоги в ставку своего владетеля, бегство с поля боя. Высшей мерой наказания для улусных владетелей, которые получив известие о нападении на монголов и ойратов, не выступали против неприятеля, был огромный штраф в 100 панцирей (куяк), 100 верблюдов и 1000 лошадей. Именно этот пункт «Великого Уложения» в дальнейшем пришлось чаще всего применять на практике, поскольку съезд так и не смог окончательно урегулировать старые конфликты (Голстунский, 1880, с. 36).

Можно предположить, что за период подготовки к съезду буддийское духовенство сумело подготовить и выверить текст «Великого Уложения», внося туда все пожелания и замечания монгольских и ойратских владетелей. Калмыцкий текст «Великого Уложения» впоследствии сохранился только у волжских калмыков (Тепкеев, 2014, с.116).

Для укрепления связей многие ойратские тайши заключили между собой династические браки. Например, Дайчин женил своего третьего сына Мончака (Пунцуга) на дочери от старшей жены чоросского Батура-хунтайши. Молодожены прожили в Джунгарии примерно до конца 40-х гг. XVII века, и именно здесь в 1642 г. у них родился первенец - Аюка. Будущий правитель Калмыцкого государства воспитывался у родственников по материнской линии до тех пор, пока в 1654 г., возвращаясь из второго своего паломничества в Тибет, Дайчин не привез внука в Поволжье.

Как отмечает В.П. Санчилов, мирное объединительное направление деятельности монголо-ойратского съезда полностью соответствовало национальным интересам монгольских народов, а его решения могли стать прочной основой для укрепления политической стабильности (Санчилов, 2009, с. 16).

Однако через несколько лет ойратские правители вновь захлестнулись во внутренних распрях, причиной которых лежали во внутрисемейных конфликтах. Что касается отношений монгольских и ойратских правителей, то они также имели печальные последствия. Спустя полвека ожесточенные монголо-ойратские войны привели к потере независимости Северной Монголии (Халхи) и вхождения ее в состав Цинской империи.

Таким образом, можно сказать, что монголо-ойратский съезд явился одним из наиболее значимых событий в политической жизни монгольских народов, и не только потому, что на съезде был принят свод законов «Великое Уложение». Съезд проводился в наиболее критическое время для внешнеполитического положения монгольских народов. На съезде решался вопрос возрождения единства и совместного усилия оказания отпора внешней угрозе.

Литература:

1. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964. С. 334.
2. Санчиров В.П. Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 года // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2009. № 2. С. 15.
3. Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: 2014. С. 448.
4. Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии) / Пер. со старомонг. Д.Н. Музраевой, К.В. Орловой, В.П. Санчирова. Элиста, 1999. С. 171.
5. Miyawaki, Junko. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1991. Vol. 83.
6. Лыткин Ю.С. Материалы для истории ойратов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 471.
7. Поппе Н.Н. Роль Зая-пандиты в культурной истории монгольских народов // Калмыцко-ойратский сборник / Под ред. А.Э. Борманжинова, И. Крюгера. Филадельфия, 1966. С. 52-72.
8. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981. С. 148.
9. Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880. С. 36.